

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

ЭКСПЕРТ

Какое нам дело до рохинджа

Что стоит за конфликтом в Мьянме, и кто такие представители «самого угнетённого народа мира»

Пётр Козьма, кандидат экономических наук, эксперт по странам Юго-Восточной Азии

В эти дни ко мне обратилось много людей, знакомых и незнакомых, с просьбой проанализировать события в мьянманском штате Ракхайн. Поскольку большинству я рассказываю почти одно и то же, логично было бы изложить свои комментарии в письменном виде.

Первое и главное замечание. Обычно, когда пишут о проблеме рохинджа, до кучи упоминают о других сепаратистских движениях Мьянмы. Но дело в том, что для центрального правительства все остальные сепаратисты — это свои же граждане, с которыми можно и нужно договариваться. Рохинджа — совсем другой случай. Для абсолютно большинства мьянманцев речь идёт о нелегальных мигрантах из-за рубежа или (последнее время, когда группы боевиков-рохинджа начали атаки на военные и гражданские объекты) даже об иностранном вооружённом вторжении террористов. Поэтому для жителей страны речь идёт фактически об отражении иностранной интервенции.

Рохинджа действительно являются негражданами Мьянмы. Больше того, само название «рохинджа» мьянманские власти считают незаконным, поскольку по своему языку, обычаям, культуре и внешнему виду эти люди практически ничем не отличаются от читтагонгских бенгальцев, живущих на юго-востоке Бангладеш.

Если дело обстоит так, как это обычно пишут на некоторых сайтах (то есть что их предки живут тут ещё с колониальной эры), то они спокойно могут получить гражданство. При британцах была хорошо налажена система учёта людей, и доказать, что прямые предки того или иного жителя Мьянмы постоянно жили на этой территории, довольно просто (это требование, а также принадлежность к одной из 135 национальных групп Мьянмы — два основных критерия получения гражданства по закону 1982 года). Есть такие люди среди тех, кто считает себя рохинджа. Им достаточно представить нужные документы и назвать себя не рохинджа, а бенгальцами — и они тут же получат гражданство.

Но в нынешней ситуации эти люди прекрасно понимают, что если они подадут такие документы, то будут

вынуждены уехать в другую часть Мьянмы, потому что были случаи физической расправы над подобными людьми со стороны тех, кто фанатично требует называть себя именно «рохинджа». При этом следует констатировать, что само правительство, в свою очередь, тоже не заинтересовано в том, чтобы новообретённые бенгальцы разъезжались по стране, потому что получение гражданства обычно никак не связано с переменой мировоззрения, а это значит — есть риск радикализации традиционной умеренной мусульманской уммы Мьянмы.

Основная часть рохинджа — это люди, у которых никаких подтверждающих бумаг нет. Большая их часть как раз и есть нелегальные мигранты из Бангладеш (и их прямые потомки, иногда уже в третьем или четвёртом поколении) — маленькой по площади перенаселённой страны, где сначала была борьба за независимость от англичан, потом за отделение от Пакистана, затем были военные перевороты с довольно кровавой гражданской войной и репрессии. Некоторые перебегали в соседнюю страну по экономическим причинам: в Бангладеш для них просто не было места, а в определённые периоды времени в Бирме центральное правительство было очень слабым и фактически не контролировало окраины. Но были и такие люди, которые в своей стране конфликтовали с законом, а Мьянма была для них удобным убежищем. Это были бандиты, убийцы, проповедники радикальных идей, политические диссиденты.

Как к этому относилось правительство Бирмы-Мьянмы? Очень просто: их попытались выдавливать обратно в Бангладеш, не давая им гражданство, а потом просто заперли основную массу в анклавах. Эта «заморозка» как раз и стала одной из основных причин нынешней ситуации. В этом смысле правительство Мьянмы есть в чём упрекнуть.

Во-первых, для властей они были «неграждане», а значит, им не полагались даже школьные учителя, место которых тут же на десятилетия заняли радикальные проповедники. Во-вторых, анклавы были не резиновые, а число их жителей постоянно росло (в семьях рохинджа обычно много детей), поэтому вскоре там получился такой «мини-Бангладеш» с неизбежной экспансии вовне, где уже жили совсем другие люди. А безработная молодёжь, которой нечём заняться, всегда была питательной средой для вербовки боевиков. Плюс у рохинджа ещё со времён Второй мировой войны были напряжённые отношения с соседями-ракхайнцами, которые справедливо опасались экспансии этого народа на их земли, а жизнь в условиях постоянного напряжения с соседями никому не идёт на пользу.

Противопоставить этому у мьянманских властей до сих пор ничего не получается: на этой территории лишь совсем недавно появились школьные учителя, но это — привезённые бирманцы-вахтикови, и неформального контакта с детьми у них нет. Зато тех людей из числа

рохинджа, кто соглашается сотрудничать с властями, иногда находят в лесу с отрезанными головами (об этом писали в мьянманской прессе).

В итоге пять лет назад эта ситуация вылилась в жестокий конфликт, причём отличились в нём обе стороны (возьмите хотя бы приводимую международными экспертами цифру разрушенных и сожжённых домов — она примерно одинаковая с обеих сторон конфликта).

То есть за прошедшие десятилетия на территории штата Ракхайн в Мьянме были созданы все условия для появления территории с боевиками и экстремистскими идеологами, которые очень успешно манипулировали практически неграмотными людьми с промытыми мозгами. При этом индийские и бангладешские спецслужбы не так давно сообщали о том, что был наложен достаточно масштабный процесс подготовки боевиков-рохинджа в Пакистане, и только бдительностью бангладешских спецслужб можно объяснить тот факт, что на этой территории у боевиков относительно мало огнестрельного оружия. В свою очередь, высшие чиновники Мьянмы сообщали о том, что деятельность боевиков-рохинджа активно спонсируют некоторые монархии Персидского залива. В СМИ Мьянмы и Бангладеш периодически появляются сообщения об обнаружении тренировочных лагерей боевиков-рохинджа по обе стороны границы. Больше того, боевики ликвидируют тех чужаков, кто случайно обнаружит эти лагеря (недавно в мьянманских СМИ был описан именно такой случай).

У моих собеседников в Мьянме сложилось впечатление, что сегодня в общинах рохинджа существует своеобразный поколенческий раскол: старшие возрастные группы исходят из понимания того, что «плохой мир лучше хорошей войны», и настроены на более-менее мирное существование в рамках Мьянмы. Но за последние годы выросло новое поколение безработной молодёжи, с которой активно начали работу прибывшие из-за рубежа (прежде всего из Пакистана) люди.

Многие рохинджа ещё со времён противостояния СССР в Афганистане были активными участниками боевых действий. Сегодня индийские спецслужбы выражают опасения, что вооружённые солдаты-рохинджа находятся на территории Пакистана, около её границы. То есть недостатка в прибывших из Пакистана в штат Ракхайн инструкторах не было, как не было и какого-то противодействия их идеологии — главная проблема для этих людей заключалась в создании некой сетевой структуры для координации боевых действий вооружённых отрядов молодых отморозков. Такая структура сегодня действительно есть — это «Араканская армия спасения рохинджа». Руководит ею уроженец пакистанского Карачи по имени Ата Улла. Привлечённая простыми и понятными экстремистскими лозунгами и возможностью почувствовать себя «хозяевами жизни» молодёжь рохинджа, прошедшая подготовку в лагерях по обе

стороны границы, стала всё больше и больше радикализовываться. Потом — совершают скорднированные нападения на военные объекты в штате Ракхайн. При этом в анклавах рохинджа в штате Ракхайн, где уже давно всё базируется на праве сильного, агрессивные молодые люди и их лидеры сегодня стали реальной властью, которую все должны слушать и беспрекословно ей подчиняться.

Нужно ли удивляться, что промытые мозги, а главное, страх и покорность боевикам (которые постоянно здесь, рядом, в этой же деревне, в отличие от мьянманских солдат, которые придут и уйдут, а значит, никого не защитят) заставляют рохинджа воспринимать мьянманских военных как угрозу их относительно спокойному существованию. Ясно, что солдаты будут искать боевиков, и, возможно, всё кончится стрельбой. Международная комиссия во главе с бывшим генсеком ООН Кофи Аннаном (вряд ли кто-то будет отрицать, что этому человеку незачем быть ангажированным и вратиль), которая только что представила отчёт, признала, что многие случаи поджога деревень, в которых обвиняли силовиков, — дело рук самих рохинджа (прежде всего боевиков, пытающихся таким образом спровоцировать основную массу населения на агрессию по отношению к силовикам).

Поэтому есть большой вопрос, от кого рохинджа бегут в Бангладеш — боятся ли они прихода силовиков или не хотят жить в деревнях, где фактически правят упоёные властью молодые отморозки из числа соплеменников, которые при этом являются воплощённой опасностью того, что в эту деревню для «зачистки» нагрянут отряды мьянманских силовиков.

Страх и безысходность — вот главная характеристика состояния, в котором сегодня пребывают эти люди (прежде всего ни в чём не повинные женщины и дети), когда из числа имеющихся вариантов для них «оба хуже». При этом обратите внимание на основную массу тех беженцев, которых показывают на фотографиях, гуляющих по интернету, — это в основном старики, женщины и дети. Молодых и здоровых мужчин среди беженцев как раз очень мало.

Больше того, как пишут мьянманские СМИ, с малограмотными людьми в анклавах рохинджа активно работают, в том числе выдают им на пути следования иностранных миссий плакаты с текстом, который они сами, в силу неграмотности, никогда бы не написали, а также пускают слухи, что тех, кто пострадал в результате конфликта, переселят в другую, более дружественную им страну. Отсюда — регистрируемые случаи «избиения» тех, кто на самом деле упал с лестницы, и многих фактов «изнасилований». Опять же в местной печати приводился пример одной девушки-рохинджа, которая за пару дней трижды меняла свои показания по поводу того, насилили её солдаты или нет, а под конец призналась, что ей пообещали: если она заявит об изнасилова-